

сия при относительно ограниченных средствах имеет уже слишком обширное поле деятельности внутри России и по северному черноморскому поморию, чтобы затрачивать капиталы на сравнительно гораздо менее обещающий южный Закавказский край. Профессора Шлимана туда влекут тесная связь старинной Греции и древней Колхиды, а для археологической Комиссии хватит на многие годы труда в местностях, исторически более определенных. Мне кажется, что никак не следовало бы, буде встретится возможность к разрешению г. Шлиману возвратиться в Россию, отклонить прибыльное его предложение. Произведенные им раскопки могут обогатить Императорский Эрмитаж весьма ценными вкладами и притом разъяснить много темных исторических вопросов. Если же, напротив, раскопки профессора Шлимана ни к чему не приведут, то это послужит весьма полезным указанием для Археологической Комиссии в будущем. И в том и другом случае дело это принесет пользу казне, не вводя казну в издержки.

Подписал: в должности Гофмейстера

Васильчикова

Примечания

1. «Trojanische Alterthümer. Bericht über die Ausgrabungen in Troja», Leipzig, 1874, французское издание, которым, видимо, пользовался И. А. Васильчиков: «Antiquités troyennes», Paris, 1874.
2. «Mycènes», London, 1878, фр. изд. «La Grèce primitive, Mycènes», Paris, 1879.
3. «Ilios», London, 1880, немецкое изд. «Ilios. Stadt und Land der Trojener», Mit einer Selbstbiographie des Verfassers, einer Vorrede von R. Virchow und Beiträgen von P. Ascherson, H. Brugsch-Bey, E. Burnouf, Frank Calvert, A. J. Duffield, J. P. Mahaffy, Max Müller, A. Postolaccas, A. H. Sayce und A. Virchow, Leipzig, 1881.
4. «Orchomenos», Leipzig, 1881.

О. Бич

Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана

Осенью 1946 г. Аму-Дарьинская экспедиция, возглавляемая Коржовиным, провела рекогносцировку обширных пространств пустыющих земель в западной части Узбекистана, которые будут орошены после вывода огромного канала из р. Аму-Дарья в районе Келиста и реорганизации ирригационной системы в бассейне р. Зеравшана.

Совместно с геологами, гидро-геологами, почвоведом и химиками приняли участие в работах экспедиции археологи—научные сотрудники АН Уз. ССР А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум.

Группой были осуществлены следующие рекогносцировочные работы:

1. Обследован маршрутный участок от г. Самарканда до г. Карши по трассе Зеравшанского канала.
2. Обследован Каршинский оазис.
3. Проведено обследование Кенимехской степи в северной части Бухарской области.

Перед рекогносцировкой каждого участка, учитывая возможную специфику его, ставились определенные узкие задачи с целью выяснения лишь общего своеобразия исторического и культурного развития общества на данной территории. В определении целей работы мы руководствовались задачами комплексных исследований Аму-Дарьинской экспедиции 1946 г.

Рекогносцировка велась быстрыми темпами, определявшимися передвижением на автомашинах при весьма ограниченных сроках пребывания в отдельных пунктах.

При обследовании трассы Зеравшанского канала на участке между г. Самаркандом и г. Карши предстояло установить: 1) действительно ли овраг Иски-ангар являлся

в древнее время арыком; 2) древность существования искусственного орошения в Каршинской степи.

Количество археологических памятников, которые удалось обследовать по маршруту, составило лишь незначительную часть тех, которые находятся на местности.

Осмотр оврага Иски-ангар не оставил у нас никаких сомнений в том, что он является ложем древнего арыка, находившегося в непосредственной связи с ныне действующей системой арыка Даргома. Возможно, первоначально он функционировал по линии Одылды-сая, протянутого так же в широтном направлении и так же «по горизонтали», как и Иски-ангар, но несколько южнее его. Не доходя совхоза Улус, Иски-ангар пересекает водораздельную гряду холмов. Место пересечения холмов носит наименование Кескен-жар. Здесь через холм прорыт огромный каньон в 900 м длины и 23 м глубины, представляющий собой, несомненно, крупный памятник древнего инженерно-ирригационного искусства. Ниже Кескен-жара арык Иски-ангар входит сухой в долину Кум-Дарья и через вододелительную систему в 3 км северо-восточнее Шур-базара распределяется мелкой сетью по Каршинской степи.

Археологические памятники по Иски-ангару концентрируются в присамаркандской зоне, ниже же, по течению древнего арыка, они становятся значительно реже и вновь становятся обильнее в Каршинской степи.

В присамаркандской зоне памятники представлены руинами крепостных сооружений в виде отдельно стоящих замков, превратившихся в бугры (тепе, таль); их характеризуют культурные остатки типов Тали-барзу I и II, в частности, кубки на высоких ножках, на основании чего эти замки можно отнести ко времени начала нашего летоисчисления.

Для Каршинской степи характерны Базар-бука и Кара-тепе—остатки крупных замков, древность и время возникновения которых пока не установлены. К X в. вокруг них выросли крупные поселения городского типа, существование которых обрывается в начале XIII в.

На основании археологических данных устанавливается, что система арыка Иски-ангар, питавшая поливное земледелие в Каршинской степи, возникла до начала нашей эры, причем земледелие в Каршинской степи достигло наибольшего развития в X—XII вв. Конец ирригации в Каршинской степи, по видимому, следует связывать с опустошительным нашествием монголов Чингис-хана в 1219—1220 гг., в результате которых погиб город Самарканд на Афрасиабе.

Памятники материальной культуры Каршинского оазиса на нижнем течении р. Кашка-Дарья почти совершенно не освещены в археологической литературе. Здесь предстояло выяснить: 1) типы памятников, 2) культурные стадии, 3) крайние пределы распространения ирригационного земледелия в оазисе в древности, 4) имели ли место крупные изменения в режиме р. Кашка-Дарья, которые могли бы повлечь за собой высокий подъем материальной культуры в древности.

В Каршинском оазисе более детально удалось обследовать район станции Карши, проведен кольцевой маршрут от г. Карши через Бешкент, Куня-фазли, Касьби, Касан до Карши и обследованы памятники по дороге от г. Карши до Зарканака (на Касьби); всего было осмотрено 27 памятников, что составляет весьма небольшую часть из числа тех, которые хорошо заметны на местности в виде холмов искусственного происхождения.

В оазисе выявляются три основных типа памятников: 1) остатки замков в виде двухъярусных холмиков (кешк с двором); 2) остатки замков с высоким холмом в центре и двумя-тремя рядами валов вокруг (кешк со сложной системой укреплений); 3) остатки укрепленных городов.

Почти все они возникают в доарабское время, причем многие из них в X в. превратились в сельские поселения, достигавшие в отдельных случаях значения городков. Критическим моментом в жизни оазиса следует считать, как и для Каршинской степи, монгольское завоевание, после которого ирригация и земледелие должны были находиться в течение длительного периода в крайне упадочном состоянии. В 1220 г. Чингис-хан провел лето в долине Кашка-Дарья. Она была облюбована монголами,

впоследствии здесь был лагерь начальника монгольских военных сил, а в начале XIV ст. она становится местопребыванием монгольского хана Кебека, построившего дворец «Карши», от которого получил наименование современный город.

Каршинский оазис необыкновенно богат археологическими памятниками; бугры, оставшиеся на месте древних сооружений, очень густо (в 0,25—1,0 км) рассеяны по всей аллювиальной равнине, более же всего их в ближайшей округе к г. Карши.

Рис. 1. Фрагмент глазурованного блюда с тепе № 12 между гг. Карши и Кассаном (X в. н. эры)

Некоторые из обследованных памятников имеют важное историческое значение. Так, в остатках обширного замка Кафыр-тепе в г. Карши были найдены предметы материальной культуры греко-бактрийского периода (III—II в. до н. э.), в том числе полушарические чаши, лепленные из глины без гончарного круга (рис. 1—2)

Рис. 2. Глубокая миска из г. Кассана (VIII—IX вв. н. эры).

Руины Зохаки-морон около ст. Карши, восходя к кушанскому времени (первые века нашей эры), замечательны сложностью укреплений и, несомненно, представляют собой ценный архитектурный памятник. На пути из г. Карши в г. Кассан находятся развалины большого города Ир-курмана, тоже кушанского времени, укрепленного двумя линиями стен; внутри сохранились остатки четырех монументальных сооружений, вероятно, дворцов и храмов. В Ир-курмане были найдены обломки глиняных кубков изящной работы, подобных кубкам с развалин древнего Самарканда (городище Афрасиаб), и терракотовая фигурка, изображающая музыканта (рис. 3). На крайнем пустынном западе Каршинского оазиса обследованы развалины замка эпохи тюрк-

ского каганата (VI—VII вв. н. э.)—Куны-фазли, который к X в. перерастает в значительный по величине городской центр. В слоях древнего укрепления в г. Кассане добыт комплекс предметов арабской эпохи (VIII—IX вв.), ценный для понимания того как складывалась материальная культура средневековья. Среди этих предметов особенно интересны глубокие мисочки, часть полихромного глазурованного блюда и стеклянная ложка.

Наметились основы первой периодизации истории материальной культуры для Каршинского оазиса, охватывающей время с III в. до н. э. до XIII в. н. э., дальнейшая углубленная разработка которой будет весьма важной для правильной и планомерной работы как на трассе канала, так и в областях будущего орошения.

Рис. 3. Терракотовая фигурка музыканта из Ир-кургана (первые века н. эры).

Выше отмечалось, что Каршинский оазис отличается необыкновенным изобилием археологических памятников. Этот факт мог бы быть истолкован как указание на какой-то большой подъем культуры в древности. Однако такая интерпретация, приложимая к раскрытию истории культуры во многих других районах Средней Азии, была бы ошибочной для понимания исторических процессов в Каршинском оазисе. Развитие ирригационного земледелия, а вместе с тем и культурной жизни в оазисе было сурово лимитировано незначительностью р. Кашка-Дарья в своих низовьях как водного источника. Она не могла явиться базой для образования крупного культурного центра ни в эпоху рабовладельческого, ни в эпоху феодального общества с их постоянными политическими переворотами и грабительскими войнами. Почвы Каршинского оазиса плодородны, пространства удобной для хлебопашества земли обширны, по этому было недостаточно. Если недостаток воды в настоящее время заставляет определять Каршинские земли как условно-поливные, то с такой же меркой нужно подходить к ним и при рассмотрении процесса возникновения и развития культуры в течение всего исторического периода.

Возникавшие города и селения уничтожались, со временем появлялись новые, которые претерпевали такую же участь.

Исходя из всего, что пришлось наблюдать, следует считать, что в общем режиме р. Кашка-Дарья в течение исторического периода никаких существенных изменений не произошло, дебет воды в ней остается таким же небольшим, каким он был и в древности.

В Кенимехской степи, обнимающей всю северную часть Бухарской области, рекогносцировкой выяснены в общих частях следующие вопросы: 1) наличие археологических памятников и время их существования; 2) общие особенности процесса освоения человеком степных пространств в древности; 3) функционировало ли в исторический период сухое русло Дарья-са в качестве ложа постоянного водного протока.

Кенимехская степь, не только безводная, но во многих частях песчаная, имеет ярко выраженный пустынный облик. Человек столкнулся здесь с такими грозными силами природы, которые ему не удалось преодолеть, и он, например, никогда не делал попыток освоить ее под ирригационное земледелие. Более того, под песками, накопившимися из степи на северной и северо-западной окраинах Бухарского оазиса, были погребены значительные площади культивировавшихся в древности земель, так что под ними постепенно оказались даже многие известные в письменных исторических источниках города и селения, в том числе города Вардана и Варахша, выступавшие еще в VI—VII вв. н. э. как конкуренты Бухары на политическое господство в стране.

На берегах Дарья-са, русло которой проходит вдоль подножий гор Кульджуктау и Кынгыр-тау, никаких следов постоянной, оседлой жизни не обнаружено. Ров

и малые, одиночные и группами стоящие бугры, обозначенные на карте 100.000 масштаба на южном берегу Дарья-сай к югу от колодца Ташкудук (юго-восточный склон гор Кульджук-тау,) не созданы человеческими руками, а имеют чисто естественное происхождение (специально они описаны гидро-геологом Б. М. Георгиевским).

Кенимехская степь служила первоначально, в IV—II тысячелетиях до нашего летоисчисления, местом охоты для первобытного человека. Охота, повидимому, обычно

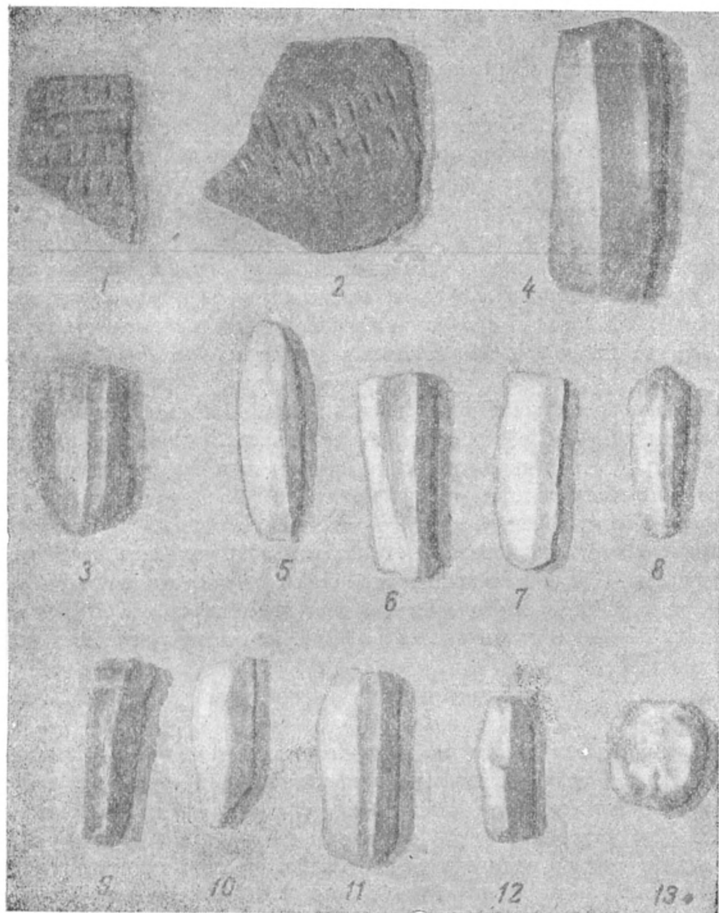

Рис. 4. Предметы с энеолитической стоянки у колодца Люхча в Кенимехской степи к северу от г. Бухары (1—2 фрагменты сосудов, 3—4 нуклеусы, 5—11 кремневые пластины, 12—13 скребки).

велась в зимнее время, когда вода накапливалась в лужах из атмосферных осадков, и носила, таким образом, сезонный характер. Некоторые районы степи, возможно изобиловавшие дичью, более охотно посещались звероловами. К числу таких мест принадлежала, например, впадина у горько-соленого колодца Люхча по дороге из Вобкента в совхоз Дженгильды, на берегах которой удалось собрать значительное количество микролитовидных кремневых орудий и обломков архаической глиняной посуды с примитивными узорами (рис. 4). Человек времени неолита и энеолита проникал в самые глухие уголки Кенимехской степи, но обнаруживаемые следы его посещения показывают, что они бывали всегда крайне кратковременными.

Позднее, с развитием животноводства, Кенимехская степь используется под кочевое скотоводство, базировавшееся на колодцах и хаках (ямах с водой из атмосферных осадков); археологически кочевое скотоводство документируется лишь рассеянными по территории и у колодцев обломками глиняной посуды различных исторических эпох.

В итоге археологической рекогносцировки западной части Узбекистана в связи с Аму-Дарьинской проблемой устанавливается следующее:

1. Иски-ангар (по которому должен пройти Зеравшанский канал) являлся руслом канала, орошавшего Каршинскую степь, примерно, с первых веков до н. э.—по XIII в. н. э., причем ирригационное земледелие в Каршинской степи прекратилось, повидимому, со времени монгольского завоевания.

2. В Каршинском оазисе с глубокой древности (предположительно с начала I тысячелетия до н. э.) стало развиваться ирригационное земледелие, но, ввиду малого дебета воды в р. Кашка-Дарье, оно никогда не достигало высокого уровня; хозяйство обитателей оазиса в древнее время и в средние века складывалось как земледельческое с некоторым уклоном к кочевому скотоводству.

3. Кенимехская степь ввиду пустынности никогда не использовалась под ирригационное земледелие. Первоначальными обитателями ее были охотники за дичью, а позднее кочевники. Дарья-сай в исторический период являлся сухим ложем естественного и непостоянного водотока и совершенно не мог быть использован для целей ирригации.

4. Данные рекогносцировки подтверждают высказанное в свое время академиком В. Б. Бартольдом положение о том, что за исторический период в климате Средней Азии не произошло таких изменений, которые могли бы существенно отразиться на режиме рек; никаких данных, которые могли бы подкрепить известную гипотезу о постепенном усыхании рек Средней Азии, не получено.

Дальнейшая разработка историко-археологических вопросов, имеющих значение для постановки Аму-Дарьинской проблемы, потребует проведения ряда углубленных исследований в верхней части древнего арыка Иски-ангар, в Каршинской степи и в Каршинском оазисе. В связи с этим в 1947 г. намечается осуществить следующие работы:

1. Вскрытие руин одного замка на Иски-ангаре между арыком Даргомом и Кескен-жаром.
2. Предварительные раскопки на Кара-тепе и Хазар-бука в Каршинской степи.
3. Раскопки 20 могильных курганных насыпей на краю степи к югу от Бустана.
4. Раскопки одного монументального сооружения в Ир-кургане между г. Карши и г. Кассаном.
5. Раскопки древнего вододелителя в нижней части Иски-ангара.
6. Углубленные раскопки на руинах замков Кафыр-тепе и Зохан-и-Морон в г. Карши.

А. Тернозский

Археологические открытия в Италии за последние годы¹

Италия продолжает оставаться сокровищницей археологических памятников. При всякого рода земляных работах, прокладке дорог, водопроводов, расширении улиц, реконструкции домов и т. д. наталкиваются на все новые и новые памятники

¹ Предыдущий обзор см. ВДИ, 1939, № 1, стр. 223.